

хорошее, так и плохое. Величие Революции и ее значимость для России подчеркивается у автора написанием данного слова с прописной буквы.

Концепты «социализм» и «коммунизм» находят свое языковое выражение в основном в публицистике. Автор выступает как противник существующего строя, называемого социализмом (и некоторое время коммунизмом), поскольку считает, что ради идей не должны гибнуть и страдать люди. Эти концепты обычно получают общеязыковую репрезентацию, частотна и метафорическая вербализация концептов (социализм, коммунизм – здание, постройка). Присутствуют и индивидуально-авторские репрезентации рассмотренных концептов, в том числе опредмечивание и олицетворение.

Список литературы:

1. Вежбицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке. – Русский язык в научном освещении. – № 2(4). – М., 2002. – С. 6-34). – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.philology.ru/linguistics2/wierzbicka-02.htm> – Дата доступа 09.10.2018.
2. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://search.ruscorpora.ru> – Дата доступа 01.10.2018.
3. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/> – Дата доступа 01.11.2018.
4. Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования. – Вестник КемГУ. – Филология. – 2013, №2 (54). – Т.2. – с.127–133. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/v/tipy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya> – Дата доступа 08.11.2018.
5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.
6. Серафимова, В. Д. Основополагающие концепты военной прозы (на материале произведений В. Некрасова, Е. Носова, А. Солженицына, В. Быкова и др. прозаиков) – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://sheshuki.ru/sheshukovskie-chtenija/reports/26-osnovopolagajuschie-kontsepty-vo-ennoj-prozy-na-materiale-proizvedenij-v-nekrasova-e-nosova-a-solzhenitsyna-v-bykova-i-dr-prozaikov> – Дата доступа 31.10.2018.
7. Социализм. – Википедия – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>) – Дата доступа 10.11.2018.

Луцаков В. Э.
(Брест, Беларусь)

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПОСЛЕВОЕННОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ (ПО РАССКАЗУ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЁНИН ДВОР»)

Ключевые слова: рассказ А. И. Солженицына «Матрёнин двор», характеристика персонажа, религиозность, пассионарность, обрядоверие.

Аннотация: в статье проанализированы проявления православной религиозности и пережитков язычества среди персонажей рассказа А. И. Солженицына «Матрёнин двор». Показано распространение христианско-языческого двоеверия в бытовой религиозности, дана краткая богословская критика этого явления.

Согласно одной из версий, слово «религия» происходит от латинского *religare* – связывать [2, с. 8]. Имеется в виду связь посюстороннего с потусторонним, временного с вечным. В христианстве это ещё и восстановление утраченной прародителями в акте грехопадения связи человека с Творцом.

А. И. Солженицын прошёл путь от безверия к осознанной религиозной вере. Вероятно, сильнейшим толчком к духовным поискам стала встреча в бутырской тюрьме с человеком, уже имевшим опыт религиозной жизни, – Борисом Гаммеровым. Об этом писателем рассказано в романе «Архипелаг ГУЛАГ»:

«Он стал меня спрашивать, разговор покотился одним боком по нашим биографиям, другим по политике. Я, не помню почему, упомянул об одной из молитв уже тогда покойного президента Рузвельта, напечатанной в наших газетах, и оценил как само собой ясное:

– Ну, это, конечно, ханжество.

И вдруг желтоватые брови молодого человека вздрогнули, бледные губы насторожились, он как будто приподнялся и спросил:

– По-че-му? Почему вы не допускаете, что государственный деятель может искренно верить в Бога?

Только всего и было сказано! Уж там каков Рузвельт, но – с какой стороны нападение? Услышать такие слова от рождённого в 1923 году?... Я мог ему ответить очень уверенными фразами, но уверенность моя в тюрьмах уже шатнулась, а главное: живёт в нас отдельно от убеждений какое-то чистое чувство, и оно мне осветило, что это я сейчас не убеждение своё проговорил, а это в меня со стороны вложено. И – я не сумел ему возразить. Я только спросил:

– А вы верите в Бога?

– Конечно, – спокойно ответил он».

Рассказ «Матрёнин двор» написан в 1959 г. В нём автор предстаёт как человек, уже знакомый и с православным вероучением, и с некоторыми сторонами аскетичности мирян, и с затруднениями, связанными с поверхностно-обрядовым отношением к вере. В то же время, им уже были преодолены соблазны неофитской назойливости. Философ Григорий Померанц, часто критиковавший Солженицына, всё же отдавал должное, что в середине XX в. для немалого числа людей интерес к православию начался с «Матрёниного двора» [3]. Не все, конечно, прочитавшие дошли затем до храма, но кто-то ведь и дошёл.

Главная героиня рассказа, Матрёна, уже пожилая женщина: «замуж <...> вышла ещё до революции». Надо полагать, что в детстве она, как и большинство её сверстников, тем более в одной из центральных губерний России, училась в церковно-приходской школе, где главным предметом был Закон Божий. Не только послереволюционный разгром церковной жизни, но и груз тянувшихся с дохристианских времён обычаев, причудливо сплетшихся с христианской практикой, – всё это отрицательно сказывалось на становлении Матрёны как религиозной личности.

«Не сказать, однако, чтобы Матрёна верила как-то истово. Даже скорей она была язычница, брали верх в ней суеверия: что на Ивана Постного в огород зайти нельзя – на будущий год урожая не будет; что если метель крутит – значит, кто-то где-то удавился, а дверью ногу прищемить – быть гостю».

Для сельчан издавна стало привычным согласовывать цикл работ и праздников с церковным календарём. Но и в этом Матрёна не была свободна от предрассудков: «Говорят у нас: умная выходит [замуж] после Покровá, а дура – после Петровá <...>. Как свадьба моя была в Петров день, так и шестого ребёнка, Александра, в Петров день схоронила». Привязанность к приметам побуждала эту женщину в совпадениях видеть неизбежность. Однако к ней, схоронившей всех своих шестерых детей, стоит проявить снисходительность. И сего-

дня сила веры в приметы, порой даже у высокообразованных людей, отравляет собственно религиозные переживания.

Как человек суеверный, она верила и в порчу. «Порция [т. е. порча] во мне, – убеждённо кивала и сейчас Матрёна. – Возили меня к монашенке одной бывшей лечиться, она меня на кашель наводила – ждала, что порция из меня лягушкой выбросится. Ну, не выбросилась...». Вряд ли уместно выражение «монашенка одна бывшая» в отношении насельницы монастыря, впоследствии закрытого. Но то, что монахиня занималась «снятием порчи» – совершенно не церковной практикой, – это также показатель духовного упадка.

Тем не менее, Матрёна была в определённой мере воцерковлённым человеком. «Был святой угол в чистой избе, и иконка Николая Угодника в кухоньке. Забудни стояли они тёмные, а во время всенощной [очевидно, когда хозяйка не имела возможности бывать на богослужении] и с утра по праздникам зажигала Матрёна лампадку».

На Крещение (19 января по новому стилю) «ходила она за пять вёрст в церковь на водосвятие». Там кем-то, возможно, мальчишками забавы ради, был украден её котелок. «Вернулась Матрёна печальная. Всегда у неё бывала святая вода, а на этот год не стало».

«Сколько жил я у неё, – пишет Солженицын, – никогда не видал её молящейся, ни чтоб она хоть раз перекрестилась <...>. Может быть, она и молилась, но не показно, стесняясь меня или боясь меня притеснить». Не делая выводов, от которых автор и сам уклонился, напомним всё же слова Евангелия: *«И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»* (Мф. 6, 5-6). Нельзя ни утверждать, ни исключать, что эта мысль, усвоенная Матрёной в детстве от родителей или в церковно-приходской школе, определяла её дальнейшее религиозное поведение.

Характеризуя Матрёну, Солженицын проявил небольшой на то время опыт собственной религиозной жизни. Вот его слова: «Только грехов у неё [Матрёны] было меньше, чем у её колченогой кошки. Та – мышей душила...» В поздних произведениях писатель таких оплошностей, пусть и ради красного словца, не допускал. Всё же нравственное понятие «грех» на животных с их инстинктами, даже хищническими, не распространяется. А небогословское понимание греха и вовсе лишено определённости, оно эмоционально. В христианской антропологии незабываемы слова пророка Давида: *«всякий человек ложь»* (Псал. 115, 2). Сама человеческая природа испорчена грехом.

Впрочем, не один только ранний Солженицын из-за малости религиозного опыта уклонился в подобное упрощенчество. Так, Ольга Ипатова в повести «Предслава» так описала последние мгновения земной жизни преподобной Евфросинии Полоцкой:

«Мерны, нягучны голас загучаў над ёй. Яна расплюшчыла вочы – чалавек у архіепіскапскім адзенні стаяў каля яе. Хто гэта? Дыянісій? Адкуль? <...>»

– Адпускаяю грахі твае, Ефрасіння... “Грахі? Якія ж былі ў мяне грахі?”»

У людей с религиозным опытом отношение к себе куда более строгое. Апостол Павел, к примеру, писал: «Христос Иисус пришёл в мир спасти грешников, из которых я первый» (1 Тим. 1, 15). Хотя для советского времени («Предслава» была написана в 1971 г., а «Матрёнин двор», напомним, в 1959 г.) подобные произведения были прорывом.

Среди положительных черт Матрёны можно назвать безропотное несение болезни: «она не жаловалась, не стонала, но и не шевелилась почти». Будучи здоровой, бескорыстно помогала другим: «И Матрёна не могла отказать. Она покидала свой черёд дел, шла помогать соседке». А ещё «до того отсутствовало в ней бабье любопытство или до того она была деликатна...». И рассерженному квартиранту, чью гулаговскую телогрейку, как память о пережитом, без спросу надела, она без раздражения ответила: «Ой-ой-ойиньки, головушка бедная! <...> Ведь я её бегма подхватила, да и забыла, что твоя. Прости, Игнатыч».

Интересно заметить отношение Матрёны, как бы мы сейчас сказали, к научно-техническому прогрессу. «Ещё в тот год обещали искусственные спутники Земли. Матрёна качала головой с печи:

– Ой-ой-ойиньки, чего-нибудь изменят, зиму или лето».

Похоже, что это всё же не обскурантизм, не темнота малообразованного человека, не забитость. Скорее здесь осторожность в принятии нового (ведь машины она не отвергала), интуитивное понимание того, что изобретения, даже самые гениальные, имеют и обратную сторону. А разве не о том же предупреждал Михаил Булгаков в повести «Собачье сердце»? В ней блестящий хирург Преображенский немало намаялся с плодами своего опыта. И о том же – в строках Александра Твардовского:

*В природе шагу не ступить,
Чтоб тотчас, так ли сяк,
Ей чем-нибудь не заплатит
За этот самый шаг.*

Закончила Матрёна свой земной путь под колёсами поезда, помогая родственникам перевозить брёвна от своей же горницы. «Не жалко было саму горницу, стоявшую без дела, как вообще ни труда, ни добра своего не жалела Матрёна никогда». Да «что она там подсобить могла мужикам? Вечно она в мужичьи дела мешалась». Однако не упрёк в этих словах у автора, но – восхищение: всем она старалась помочь, даже если это было на пределе её сил.

Расставание с Матрёной также выявляет разные стороны религиозности родственников и односельчан.

По православному обычаю, гроб поставили под образами. «Старушка у гроба мурлыкала Псалтырь». Отпевали Матрёну в храме. Поминки начались с «Отче наш». «Перед киселём встали все и пели «Вечную память» (так и объяснили мне, что поют её перед киселём обязательно)». Для этнографов, социологов и прочих гуманитариев наборы всевозможных «нельзя» и «обязательно», в каждой местности своих, но везде особенно многочисленных на свадьбах и похоронах, представляют немалый интерес. Хотя их духовно-символический смысл мало кто из придерживающихся может толком объяснить: «так повелось», «так принято». Любому священнику приходится регулярно вести борьбу с этими условностями либо поправлять их, указывая на что-то более суще-

ственное. Хотя само пение «Вечной памяти» на поминках уместно, но вот перед киселём или после него – вопрос второстепенный.

Описанный чуть раньше плач над гробом (тоже «так принято», вот только когда и кем?) – это вообще сплошное язычество.

«Наконец ужин кончился. Опять все поднялись. Спели «Достойно есть». И опять с тройным повтором: вечная память! вечная память! вечная память! Но голоса были хриплы, розны, лица пьяны, и никто в эту вечную память уже не вкладывал чувства». Вновь «так принято».

Ещё во время поминок один из присутствовавших, муж золовки, хвалился: «А заметили вы, православные, что отпевали сегодня медленно? Это потому, что отец Михаил меня заметил. Знает, что я службу знаю. А иначе б – со святыми помощи, вокруг ноги – и всё». Трудно сказать, что подвигло родственника к таким высказываниям. Или в данном храме, действительно, служили небрежно, или человеку просто захотелось обратить на себя внимание.

Несмотря на знание и исполнение обрядов, мыслили сельчане чисто язычески. В глазах золовки Матрёна была глупой, потому что «помогала чужим людям бесплатно». «И даже о сердечности и простоте Матрёны, которые золовка за ней признавала, она говорила с презрительным сожалением». Да, Матрёна «не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни. Не гналась за нарядами. За одеждой, прикрывающей уродов и злодеев».

По апостолу Павлу, «... все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3, 27). А философ Иван Ильин, рассуждая о постигшей в XX в. Россию катастрофе, с горечью признавал: «Мы во Христа крестились, но во Христа не облеклись. Наша вера была заглушена страстями» [2, с. 357]. Еще философ Тертуллиан, живший во II-III вв. н. э., напоминал, что «Христос назвал Себя истиной (Ин. 14, 6), а не традицией». Бытовая религиозность, описанная А. И. Солженицыным в «Матрёнинном дворе», очень часто ограничивается поверхностностью. Хотя, с другой стороны, из рассказа видно, что даже в годы гонений на религию полностью религиозная жизнь в народе не прекращалась. И были в ней свои пассионарии, как та же Матрёна.

Неверно было бы укорять Матрёну в малой религиозной просвещённости. Большой у неё, пожалуй, и не могло быть. Хоть и училась она в церковно-приходской школе, но обрядоверие, полуязычество в быту, многим казавшееся естественным, повлияло и на неё. Однако духовная жизнь, по нашему убеждению, – это «всегда плавание против течения». Она совершается не столько благодаря обстоятельствам, сколько вопреки им. И Матрёна, как могла, плыла. Не всегда её поступки были осознанно религиозны, скорее интуитивны.

Свой рассказ А. И. Солженицын закончил словами: «Все мы жили рядом с ней [Матрёной] и не поняли, что она есть тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша».

Список литературы:

1. Ильин, И. А. Что нам делать? // О грядущей России. / И. А. Ильин. – М. : Военное издательство, 1993. – 368 с.
2. Языкович, В. Р. Религиоведение / В. Р. Языкович. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
3. https://ru.wikipedia.org/Солженицын,_Александр_Исаевич. Дата доступа: 01.11.2018.